Къ вопросу
о старой и «новой» ореографіи.

Published by
Photo-Offset Reproduction
Printing Shop St. Iov of Pochaev
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., U. S. A.

1962

Къ изданію Св. Троицкимъ монастыремъ учебниковъ русскаго языка.

Не такъ давно, по настойчивымъ просьбамъ многихъ вѣрующихъ русскихъ людей, Св. Троицкимъ монастыремъ изданъ рядъ учебниковъ русскаго языка:

1) *Этимологія Русскаго Языка* для низшихъ классовъ гимназій — А. Кирпичникова и Ѳ. Гилярова (перепечатка съ 46 изданія 1918 г.) — цѣна 50 центовъ;

2) *Синтаксисъ Русскаго Языка* примѣнительно къ правописанію — А. Кирпичникова (перепечатка съ 40 изданія 1912 г.) — цѣна 25 центовъ;

3) *Русская Грамматика* съ большимъ количествомъ письменныхъ упражненій. Руководство для учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ училищъ. Составилъ Я. Максимовъ (перепечатка съ 27 изданія) — цѣна 75 центовъ и

4) *Русская Азбука или первоначальный учебникъ грамоты и правописанія* А. А. Брайковскаго съ церковно-славянскими текстами для чтенія — цѣна 2 доллара 40 центовъ въ переплетѣ.

Всѣ эти учебники переизданы фотографическимъ способомъ съ нашихъ прежнихъ наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ дореволюціонныхъ изданій по старой орѳографіи. Въ сущности только старая орѳографія и есть въ собственномъ смыслѣ слова орѳо-графія, или право-писаніе, а та порча русскаго правописанія, которая насильственно введена въ употребленіе большевиками въ порабощенной ими Россіи въ декабрѣ 1918 года (слишкомъ черезъ годъ послѣ захвата ими власти!), не можетъ и не должна претендовать на то, чтобы именоваться право-писаніемъ: это есть только искаженіе правописанія.

Вопросъ орѳографіи совсѣмъ не такъ простъ, и нельзя подходить къ нему такъ легко и "рубить сплеча", какъ это дѣлаютъ нѣкоторые любители всякихъ реформъ въ наше исполненное легкомыслія и несерьезнаго отношенія къ серьезнымъ вещамъ лукавое время. Для вѣрующихъ русскихъ людей наша исконная русская орѳографія тѣсно связана съ нашей Святой Вѣрой и Церковью. Вѣдь тѣ самыя буквы: "Ѣ", "І", "Ъ", "Ѳ" и "Ѵ", на которыя съ такой ненавистью обрушились большевики, что даже по типографіямъ посылали своихъ агентовъ, дабы изъять эти буквы изъ шрифтовъ и уничтожить ихъ, достались намъ, какъ тысячелѣтнее наслѣдство нашихъ великихъ просвѣтителей, родоначальниковъ общеславянской культуры — свв. равноапостольныхъ братій *Кирилла* и *Меѳодія*. Эти буквы не могутъ не быть дороги намъ, ибо онѣ насъ связываютъ съ нашимъ священнымъ Богослужебнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, со всей нашей Св. Церковью насажденной и св. Церковью же вскормленной и вспоенной многовѣковой русской культурой.

Грамоту дала намъ наша Св. Православная Церковь, и потому недопустимо, помимо Церкви, рѣшать вопросы орѳографіи, произвольно признавая тѣ или другія буквы нашего алфавита "устарѣвшими" и "ненужными".

То, что это сдѣлали безбожники-большевики, насильственнымъ путемъ, и то только черезъ годъ послѣ своего прихода къ власти, введшіе въ Россіи такъ называемую "новую орѳографію", насъ не удивляетъ. Вѣдь большевики открыто поставили себѣ задачей не только полный разрывъ съ Церковью, но и борьбу съ Нею, вплоть до окончательнаго Ея уничтоженія; они же задались цѣлью порвать со всѣми историческими традиціями православнаго русскаго народа, отвергнуть все, чѣмъ жила наша Родина на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія своей исторіи, оплевать все ея культурно-историческое прошлое и, разрушивъ, какъ они горделиво и надменно провозглашали, старый міръ, создать свой собственный, новый.

Какой это новый міръ они замышляли создать, это мы теперь видимъ!

Однимъ изъ характернѣйшихъ аттрибутовъ этого "новаго міра" и является такъ называемая "новая орѳографія". Эта "новая орѳографія" является безспорно однимъ изъ крупнѣйшихъ "завоеваній революціи", однимъ изъ видныхъ "достиженій" безбожной и антирусской совѣтской власти.

Пусть не говорятъ, что эта "новая орѳографія" была разработана еще въ царское время и будто бы даже прежней Россійской Академіей Наукъ.

Развѣ большевицкія настроенія и мечты о разрушеніи стараго міра явились у насъ только съ 1917 года? Развѣ страшной разрушительной силы подрывная работа противъ всѣхъ нашихъ исконныхъ культурныхъ цѣнностей не велась у насъ еще задолго до этой мрачной даты?

Фактомъ остается то, что этой реформы не провело наше царское правительство, несмотря на всѣ господствовавшія у насъ въ послѣднее время "либеральныя" идеи, не смогло провести этой реформы правописанія даже Временное Правительство въ самомъ 1917 году, когда распоряженіе его о введеніи "новой орѳографіи" не было принято русскимъ народомъ и повисло въ воздухѣ.

Провели эту "реформу" только большевики, почему эта "новая орѳографія", по всей справедливости, и должна именоваться "большевицкой", или "совѣтской", какъ многіе русскіе люди ее и называютъ, — тѣмъ болѣе, что она, по духу своему, по идеѣ въ нее вложенной, вполнѣ отвѣчаетъ замысламъ большевиковъ, злобныхъ отрицателей и разрушителей всего стараго.

Характерно, что вся русская эмиграція, церковно и національно-настроенная, до 1945 года бережно хранила старую орѳографію, и этимъ отличались всѣ [illegible] изданія [illegible]ницей, въ отличіе отъ изданій пробольше-

вицкихъ, выходившихъ зарубежомъ съ большевицкими пропагандными цѣлями. Съ любовью хранила у себя старую орѳографію и патріотически-настроенная Карпатская Русь, входившая въ эти годы въ составъ Чехословакіи и все время боровшаяся за свои національно-культурныя права. А кто прожилъ годы эмиграціи въ Болгаріи, тотъ помнитъ, какъ пришедшее тамъ къ власти прокоммунистическое правительство Стамболійскаго первымъ долгомъ озаботилось выбросить изъ болгарскаго алфавита, столь близкаго къ русскому, буквы "Ѣ" и "Ъ". Смѣнившее его потомъ болѣе правое правительство Цанкова букву "Ѣ" возстановило, но новое коммунистическое правительство въ 1945 году опять ее упразднило.

Весьма важно знать и помнить вотъ еще что. Православная вѣра и кровное дѣтище ея — "кириллица", какъ обыкновенно именуется наше старое правописаніе, нѣкогда духовно объединяли собою все славянство. Потому-то враги Православія и славянства и направили на нихъ главные свои нападки. И во многомъ — увы! — успѣли. Часть славянъ насильственно совсѣмъ была обращена въ латинство и одновременно потеряла свою родную историческую "кириллицу", замѣненную у нихъ латинскимъ алфавитомъ (чехи, поляки, хорваты), а среди остальныхъ славянъ, сохранившихъ вѣрность св. Православію, все время дѣлались и дѣлаются попытки эту "кириллицу" какъ-то исказить и изуродовать, цѣлью чего, конечно, является стремленіе общенародную культурную жизнь какъ можно дальше увести отъ Церкви, черезъ разрывъ съ употребляемымъ въ Церкви церковно-славянскимъ языкомъ.

Въ этомъ отношеніи весьма характерна сербская реформа Вука Караджича, агента австро-венгерскаго правительства, стремившагося оторвать Сербію отъ духовно-культурнаго общенія съ Россіей, который ввелъ въ кириллицу, употреблявшуюся сербами, совершенно новыя, чуждыя ей буквы, упразднивъ многія старыя и въ томъ числѣ букву "Ѣ".

А между тѣмъ, для каждаго, мало-мальски знающаго славянскіе языки и нарѣчія, ясно, что буква "Ѣ" — совсѣмъ не лишняя буква въ обще-славянскомъ алфавитѣ. У разныхъ славянскихъ народовъ и племенъ и въ разныхъ нашихъ россійскихъ говорахъ она произносится не одинаково и съ разными оттѣнками. Такъ, если великороссы произносятъ ее, какъ "Е", малороссы выговариваютъ ее, какъ "I", у поляковъ она выговаривалась, какъ "Я", у сербовъ и чеховъ, какъ "IЕ", у болгаръ, какъ "Е", иногда переходящее въ "Я". Такимъ образомъ, эту букву вполнѣ справедливо было бы разсматривать, какъ объединяющее звено, духовный символъ единенія всѣхъ славянскихъ племенъ и народностей.

Спрашивается, во имя чего же тогда ведется такая упорная борьба противъ этой, столь типичной для обще-славянской грамоты, буквы?

Трудности ея употребленія безмѣрно и тенденціозно преувеличены, а между тѣмъ вѣдь она является отличительнымъ знакомъ многихъ корней словъ, безъ нея утрачивающихъ свой смыслъ и значеніе и потому затрудняющихъ пониманіе написаннаго. Объ этомъ столько уже писалось

и говорилось, что только завѣдомо предубѣжденный человѣкъ можетъ не принимать этого во вниманіе.

Ну, какъ, напримѣръ, можно писать одинаково такія совершенно различныя по смыслу слова, какъ: *"ѣстъ"* и *"естъ"*, *"оселъ"* и *"оселъ"*, *"все"* и *"всѣ"* и т. п.?

Почему такая ненависть противъ буквъ "Ѳ" и "Ѵ", когда употребленіемъ этихъ буквъ отмѣчается заимствованіе словъ съ этими буквами изъ греческаго языка — языка той высококультурной страны, которая дала намъ, русскимъ людямъ, и вѣру нашу православную и основы нашей собственной культуры?

А такихъ словъ въ русскомъ языкѣ не мало, и пользованіе ими неизбѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ степень культурности употребляющаго ихъ человѣка.

Не будемъ вновь и вновь повторять здѣсь то, что много разъ уже говорилось о значеніи другихъ буквъ нашего алфавита, выброшенныхъ большевицкой реформой 1918 года, а подчеркнемъ лишь, что эта реформа *ничего общаго не имѣла съ данными серьезной филологической науки, а шла лишь навстрѣчу лѣности и невѣжеству, согласуясь съ модными революціонными стремленіями разрушить "старый міръ"*. Она и не научна и не практична, потому что только *поощряетъ безграмотность и не даетъ права "писать, какъ говоришь"* (подобно сербской реформѣ Вука Караджича). Успѣхъ и распространеніе этой такъ называемой "новой орѳографіи" въ большевицкое время тѣмъ и объясняется, что власть захватили въ свои руки въ массѣ и на мѣстахъ, главнымъ образомъ, подонки русскаго народа, инородцы и иностранцы — люди совершенно безграмотные, въ интересахъ которыхъ и было эту свою *безграмотность навязать всему русскому народу*. Они-то съ особой ревностью и усердіемъ ее и насаждали! Имъ, безбожникамъ и интернаціоналистамъ, чужды были религіозные и національные идеалы и интересы православнаго русскаго народа, и они жестокой и безжалостной рукой искореняли все, что связывало русскій народъ съ его церковнымъ и культурнымъ историческимъ прошлымъ, съ понятной ненавистью относясь къ такому великому наслѣдію полученнаго нами отъ свв. равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія христіанскаго просвѣщенія, какимъ была наша исконная старая орѳографія.

Пусть намъ не говорятъ, что и это наслѣдіе на протяженіи вѣковъ подверглось нѣкоторымъ естественнымъ (не насильственно-проведеннымъ) измѣненіямъ и что наша гражданская азбука отличалась отъ церковнославянской: все это весьма далеко отъ той грубой насильственной ломки, которую произвели въ 1918 году большевики. И ужъ совсѣмъ странно намъ, живущимъ заграницей на свободѣ, сочувственно относиться къ этому чисто-большевицкому "достиженію"!

Сторонникамъ же такъ называемой "новой орѳографіи" мы не можемъ не посовѣтовать задуматься и надъ тѣмъ, почему это ни французы,

ни англичане съ американцами не заводятъ у себя своей "новой ороографіи", хотя у нихъ едва ли не большинство словъ пишется совершенно иначе, нежели они произносятся, и многія буквы совсѣмъ никакъ не выговариваются, а между тѣмъ продолжаютъ, по традиціи, писаться? И они съ любовью хранятъ и изучаютъ свою традиціонную старую ороографію, представляющую для нихъ несомнѣнно гораздо большія трудности, чѣмъ наши буквы "Ѣ", "I", "Ъ", "Ѳ" и "Ѵ". Наша русская буква "Ѣ" представляла собою неодолимыя трудности только для безнадежныхъ тупицъ среди учащихся, какъ остроумно указалъ на это одинъ изъ членовъ комиссіи, обсуждавшей вопросъ о переходѣ на новое "правописаніе". *"Старо' предлагаемое "новое" правописаніе"*, — сказалъ онъ: *"оно искони гнѣздилось на заднихъ партахъ у лѣнтяевъ и неспособныхъ"* (см. воспоминанія нашего писателя И. С. Шмелева въ журналѣ: "День Русскаго Ребенка" за 1949 годъ).

Создать новое правописаніе на чисто-фонетическихъ основахъ, при всемъ разнообразіи русскихъ говоровъ на громадныхъ пространствахъ нашей Родины, задача совершенно-неосуществимая, а потому нѣтъ никакой надобности стремиться къ подобнаго рода реформамъ, которыя вносятъ только разруху и неразбериху въ нашу культурную жизнь, а надо держаться стараго и испытаннаго. Намъ извѣстно немалое число представителей недавней подсовѣтской молодежи, получившихъ воспитаніе и образованіе въ условіяхъ большевицкаго режима, которые попавъ въ результатѣ Второй Міровой Войны 1941-1945 г.г. заграницу, съ любовью возвращаются къ старой ороографіи, справедливо видя въ ней символъ старой, добольшевицкой Россіи.

Если большевики, во имя своей лютой ненависти ко всему историческому прошлому нашей Родины, стремились разрушить все с т а р о е и ввести " н о в о е ", то мы, православные русскіе люди, живущіе на свободѣ заграницей, изъ одной только любви и уваженія ко всему тому свѣтлому и прекрасному, чѣмъ жила и дышала на протяженіи многихъ столѣтій наша матушка *Святая Русь,* не можемъ не дорожить этимъ с т а р ы м ъ, не можемъ не цѣнить всего того, что такъ тѣсно связано съ нашимъ прошлымъ, съ нашими вѣковыми историческими традиціями, а въ осбенности, съ нашей Св. Православной Церковью, которой мы обязаны всѣмъ лучшимъ и возвышеннѣйшимъ, что имѣемъ и что составляетъ наше кровное національное достояніе, въ томъ числѣ и старой ороографіей.

Вѣрность родной старинѣ, вѣрность церковно-культурнымъ цѣнностямъ и вѣковому традиціонному историческому прошлому — вотъ, что должно быть написано на знамени каждаго подлиннаго русскаго патріота, преданнаго своей Св. Церкви.

† Архіепископъ А в е р к і й.

В. Перемиловскій.

НОВОЕ ИЛИ СТАРОЕ ПРАВОПИСАНІЕ?

Было на Руси время, когда по одному бѣглому взгляду на письмо можно было почти безошибочно опредѣлить, какой политической оріентаціи держится пишущій. Такимъ знакомъ и признакомъ въ нашемъ письмѣ служили „твердый знакъ", „еръ" и „ять". Писалъ человѣкъ безъ ера и ятя, и можно было поручиться, что у этого человѣка „идеи въ головѣ". Это былъ настолько вѣрный знакъ и признакъ, что имъ руководствовались и тѣ, „кому вѣдать надлежитъ".—Не даромъ вѣдь всѣ студенты и курсистки—этотъ авангардъ революціи въ старое время—писали безъ ятя и ера, а наиболѣе радикально настроенные—даже безъ еря въ концѣ словъ! Не даромъ также и твердая власть такъ ревниво оберегала неприкосновенность „твердаго знака"!

А въ сущности, ни той, ни другой сторонѣ никакого дѣла не было до самого твердаго знака: и для однихъ и для другихъ это былъ не „твердый знакъ", какъ таковой, какъ элементъ русскаго правописанія,—это былъ только условный знакъ извѣстнаго политическаго міросозерцанія, за которое стояли одни, разрушить которое старались другіе.

Что это именно такъ и было, можно привести факты. Раньше—ни правительство не

видѣло въ упраздненіи ѣ и ъ нѣкоего жупела, ни общество вовсе не было въ такой степени заинтересовано въ аннулированіи этихъ буквъ нашего алфавита. Кажется, кн. Ширинскій-Шихматовъ, современникъ Державина и Пушкина, напечаталъ двѣ книги безъ этихъ буквъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія тоже издавались отдѣльныя книги не только безъ ъ и ѣ, но и безъ ѳиты и і десятеричнаго и съ другими новизнами (о чемъ рѣчь будетъ ниже). Однако, ни передовое русское общество не ухватилось тогда за мысль о реформѣ русскаго правописанія, ни власть не препятствовала появленію подобныхъ опытовъ.

Все рѣзко измѣнилось съ наступленіемъ эпохи реакціи конца прошлаго столѣтія, когда взаимоотношенія между властью и обществомъ приняли такія уродливыя формы, что достаточно было одной сторонѣ сдѣлать шагъ, сказать слово, какъ другая видѣла въ этомъ шагѣ и въ этомъ словѣ выпадъ противъ себя. Это тогда въ въ глазахъ русскаго общества понятія „отечество“, „родина“, „патріотизмъ“, „русскій“, „національный“, „православный“ и др. стали позорными, ибо ихъ поддерживала русская государственная власть. Это тогда вниманіе общества обратилось на школу и, въ частности, на русскую грамматику. Здѣсь была точка наименьшаго сопротивленія, и сюда направлялись все чаще удары.—Все же пока держалась власть, держались неколебимо и ять съ еромъ.

Но только пала эта власть, и уже едва ли не по второму мѣсяцу новаго режима, въ

числѣ прочихъ отмѣнъ и перемѣнъ, мы были облагодѣтельствованы реформой правописанія. Тѣсная связь вопросовъ нашей орѳографіи съ политикой сказалась воочію.—Въ то время какъ педагоги, послѣ чудовищнаго полицейскаго гнета, изступленно, въ первые дни свободы, вмѣстѣ съ учащимися, срывали со стѣнъ въ актовыхъ залахъ и кабинетахъ царскіе портреты, смѣщали явочнымъ порядкомъ дирекцію и сводили старые личные счеты между собой,—на верхахъ учебнаго вѣдомства въ это время съ неменьшей же страстностью и горячностью смѣщали „старое“ правописаніе, не позаботившись даже напередъ принять мѣры, чтобы школа имѣла подъ руками хоть учебники, напечатанные по „новой“ орѳографіи. Въ страшные дни, когда нашъ германскій фронтъ держался на волоскѣ, когда отовсюду несся вопль: „Отечество въ опасности“, никто и не думалъ о вопросахъ правописанія. И циркуляръ пр. Мануйлова о новой орѳографіи былъ просто равненіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по революціонному фронту. Это было все то же общипываніе русскаго государственнаго орла, съ котораго, на большихъ и малыхъ его изображеніяхъ, вплоть до нагрудныхъ знаковъ, кокардъ и пуговицъ, сламывались регаліи: корона, скипетръ и держава, пока онъ не принялъ наконецъ вида общипанной курицы Временнаго Правительства!

До того торопились съ реформой, что впопыхахъ издали правила новой орѳографіи, а черезъ нѣсколько времени опубликовали уже

поправки къ только что преподаннымъ правиламъ.

И очень скоро, когда русское общество осталось при разбитомъ корытѣ своихъ свѣтлыхъ надеждъ и утопическихъ ожиданій, оно увидѣло, что и эта, столь, по его мнѣнію, необходимая, реформа вовсе неудовлетворительна и цѣли не достигаетъ. Если знаменитый генералъ Дитятинъ дѣлалъ прежде, при старомъ правописаніи, въ словѣ „*еще*" четыре ошибки (*ъсчо*), то теперь, при новомъ, (*есчо*) грамотность не праздновала еще побѣды! Все равно, писать будутъ: комната *здесса*,—только развѣ новыя прибавятся ошибки. И онѣ уже наблюдаются. Вотъ изященькая книжка стиховъ С. Рафаловича (выпущена издательствомъ Л. Д. Френкеля въ Берлинѣ). На послѣдней страницѣ перечень книгъ того же автора. Три книжки изданы въ Тифлисѣ „*КавкаССкимъ посредникомъ*". Вотъ денежные знаки нашей сосѣдки ДВР, и на нихъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ, среди общаго текста по новому правописанію, „*обеЗцѣнивается* всем достоянием и т. д." напечатано по старому. Вотъ самое послѣднее изданіе знаменитой петербургской типографіи Голике и Вильборгъ (нынѣ переименованной въ 15-ю государственную): „Основы книжнаго набора" В. И. Анисимова. Бумага, шрифтъ, обложка, украшенія—непревосходимаго изящества. Но при всемъ томъ небывалыя въ этомъ издательствѣ ошибки (на 46 страницъ—четыре) и нѣкоторыя—по винѣ новаго правописанія, напр., *СловораСделитель.*

И ужъ во всякомъ случаѣ, если творцы новой орѳографіи такъ вѣрили въ ея чудодѣйственную силу, которая, какъ часто говорятъ въ Харбинѣ, „въ два счета“ сдѣлаетъ всѣхъ грамотными, то осуществленіе этой реформы возможно было бы лишь послѣ того, какъ это правописаніе будетъ принято всѣми и при условіи перепечатки всего національнаго ходового книжнаго инвентаря по новой орѳографіи.

Въ дѣйствительности же реформа обрушилась только на головы бѣдныхъ школьниковъ, потому что, зубря свои уроки по „старопечатнымъ“ книгамъ, они должны были писать свои диктанты и сочиненія по новому правописанію, а передъ глазами и подъ руками книги, справочники, газеты, календари, объявленія, вывѣски--все оставалось по старому. Вотъ и въ Полосѣ Отчужденія—во всѣхъ школахъ (и городскихъ и желѣзнодорожныхъ) принято новое правописаніе, а всѣ газеты, до „Нов. Жизни“ включительно, печатаются по старой орѳографіи, а на службу въ Управленіе, да что въ Управленіе—даже въ японскую контору—съ новой орѳографіей не примутъ.

А отъ своихъ духовныхъ вождей и писателей мы реформой правописанія дѣйствительно отмежевались, отгородились, потому что вѣдь нельзя же печатать Ломоносова—основоположника стараго правописанія—по новой орѳографіи, или Пушкина? Это чувствуютъ и въ Сов. Россіи: Петербургское издательство „А т е н е й“ годъ тому назадъ выпустило книгу: „ Неизданный Пушкинъ“, гдѣ не только пушкинскій текстъ, но и предисловіе

редактора и вводныя статьи и даже резолюція Академіи Наукъ о напечатаніи этой книги—набраны по старому правописанію.

Итакъ: либо дорого стоющее удовольствіе перепечатыванія всей сокровищницы дореволюціонной національной мысли по новой ороографіи (для послѣдовательности, для грамотности, для ассимиляціи, для вытравленія „стараго духа", наконецъ) и насильственное обряженіе нашихъ классиковъ, нашихъ писателей въ одежду, въ которой они отродясь не ходили и (т. к. новая одежда-то и потѣснѣе и поуже старой)—въ которую они не всегда и „влѣзутъ" (примѣры ниже),—т. е., въ сущности, если не глумленіе, то неуваженіе къ своимъ учителямъ и вождямъ.— Либо—не менѣе дорого стоющее удовольствіе печатать ихъ по старому, а все послѣреволюціонное творчество по новому правописанію?

Какъ тутъ быть? Отъ одного берега оттолкнулись, къ другому не причалили. И вся наша исторія твердитъ намъ объ неумѣніи нашемъ, повидимому, національномъ — додѣлать начатое до конца. Приняли христіанскую вѣру, но не могли справиться съ язычествомъ,—результатъ, т. наз., двоевѣріе; полвѣка своей исторической жизни прожили съ двумя языками—славянскимъ и русскимъ; пожелали исправить церковныя книги, и въ итогѣ получилось двѣ вѣры: старая и новая, триста лѣтъ не слившіяся еще; приняли отъ Запада просвѣщеніе, но не сумѣли сдѣлать его общенаціональнымъ, и теперь имѣемъ двѣ не знающія, непонимающія, другъ другу недовѣряющія

разновидности единой націи: „народъ" и „интеллигенцію"; понятія „братъ" и „врагъ"—взаимоисключающія, но мы, сражаясь, умудрились „брататься" съ врагомъ! Война — это рѣшеніе спора о своемъ правѣ и своей правдѣ — оружіемъ, ultima ratio. Но только въ русской психикѣ возникла чудовищная аберрація: пошли Богъ нашему оружію пораженіе! Приняли новый стиль, а праздники, въ томъ числѣ и Новый Годъ, празднуемъ по старому; ввели новое правописаніе, а въ жизни, въ обиходѣ пользуемся и будемъ пользоваться старымъ...

У какого еще другого народа можно встрѣтить примѣры подобной двойственности?

2.

Проѣзжая шесть лѣтъ тому назадъ черезъ Уфу, я на станціи былъ свидѣтелемъ первомайскаго парада красныхъ войскъ. На красныхъ знаменахъ трепетали разные лозунги. Но одинъ привлекъ мое вниманіе и поставилъ въ тупикъ: ВСЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ! „Всё тащите въ красную армію", была первая моя мысль. Но т. к. слова на флагѣ были написаны по новой орѳографіи, то первую мысль сейчасъ же оттѣснила другая: „Всѣ записывайтесь въ красную армію". Затѣмъ пошла неразбериха: множественное число (всѣ)—твердилъ чистый разумъ; единственное (всё)—настаивалъ практическій. Раздавшійся третій звонокъ на время прекратилъ гражданскую войну въ моей головѣ, и я изо всѣхъ ногъ пустился

къ своему вагону, гдѣ вскорѣ снова сталъ жертвой этой сугубо для меня, какъ преподавателя русскаго языка, мучительной этимологической загадки, такъ и по сей день мною не разрѣшенной. И нѣтъ для нея во всемъ мірѣ своего филологическаго Эдипа, который убѣдилъ бы меня, что надо читать такъ, а не эдакъ. Вину въ этомъ всецѣло возлагаю на нашу Академію Наукъ. Какъ могла она, Академія Наукъ, допустить такой ложный шагъ—одобрить это новое правописаніе, своимъ авторитетомъ санкціонировать регрессъ! Ибо вѣдь это регрессъ, когда для того, чтобы прочесть написанное, надо спросить у автора, т. е. бѣжать, какъ въ данномъ случаѣ, въ совдепъ!

Приведенный случай въ Уфѣ тѣмъ характернѣе, что онъ не выдуманъ, а преподнесенъ самой жизнью, какъ отвѣтъ на реформу. Значитъ, реформа не продумана, не додумана до конца. А между тѣмъ, по отзыву такого авторитетнаго органа, какъ Сибземгор, она „является завершеніемъ кропотливой работы спеціалистовъ, которая велась въ теченіе почти двухъ столѣтій, и за время которой были подробно освѣщены всѣ спорные вопросы правописанія“.—Но что за плачевные результаты этой кропотливой работы спеціалистовъ двухъ вѣковъ, если она (включая сюда пункты объ упраздненіи *ъ*, *ѳ*, *і*, о желательности, но не обязательности ё, о переносѣ словъ) составляетъ 13 пунктовъ, да и тѣ-то составлены такъ, что руководствоваться ими можно, только зная дореформенное правописаніе.

„Мы лѣнивы и не любопытны“. Обладатели могучаго, звучнаго языка, богатствомъ своихъ звуковъ покрывающаго всѣ другіе языки, мы вовсе своимъ языкомъ не интересуемся. Безусловно, наши свѣдѣнія о строѣ латинскаго языка богаче. Многіе ли среди насъ умѣютъ выдѣлить корень и вскрыть стершееся отъ времени первоначальное значеніе слова. „*Лукавый* человѣкъ“.— „Рѣка течетъ *лукаво*“ (XII в.). Многіе ли знаютъ, что „столъ“ происходитъ отъ „стлать“, при чемъ сразу открывается картина того отдаленнаго прошлаго, когда стлали и ѣли на землѣ? что „палецъ“ и „палка“ одно и то же? что „булавка“ есть уменьшенная до крошечныхъ размѣровъ „булава“, которую мы считаемъ регаліей гетмановъ да швейцаровъ?

Уничтоживъ *Ѣ*, мы для цѣлой группы словъ затрудняемъ нахожденіе ихъ корня, т. е., мы добровольно, сознательно отрекаемся отъ познанія родного языка. „*Свѣдѣніе*“ *и* „*сведѐніе*“: по реформированному правописанію корень обоихъ этихъ словъ будетъ „*вед*“. Или же, если мы этого не захотимъ, придется, все равно, заучивать коренныя слова на *Ѣ*. Но тогда изъ-за чего было и огородъ городить. И можно ли ручаться, что годиковъ эдакъ черезъ 200-300 стихотвореніе Пушкина „*Я помню чудное мгновенье*...“ не будетъ читаться такъ:

В томленьях грусти безнадёжной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нёжный
И снились милые черты...!!

Письмо это документъ. Документъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ выше его точность. Въ документѣ важно все, что содѣйствуетъ этому понятному требованію, отсюда всевозможные надстрочные и подстрочные знаки, знаки препинанія, подчеркиваніе словъ и т. д. (тире надъ *п*, *т*, *9*, тире подъ *и*, *ш*, *6*, точка надъ *і*).

По старому правописанію, если бы написать по разсѣянности: *и снились милыЯ черти*, окончаніе милы*я* вскрыло бы ошибку,—по новому: „и снились милые черти", такъ останутся уже полноправными чертями.

Въ нашемъ дореформенномъ письмѣ, мы имѣли иногда возможность корректировать неточность устной рѣчи (*тѣмъ и темъ; прѣніе и преніе; подлѣй и подлей; въ морѣ и въ море; сѣй и сей*). А съ новой орѳографіей становятся омонимами, т. е. одинаково читающимися, и такія слова, которыя различаются въ произношеніи (*тѣшу и тешу; осѣни и осени; сѣлъ и селъ; сѣла и села; сѣло и село; смѣлъ и смелъ; мѣчу и мечу; желѣзка и железка и т. д.*).

Попробуйте безошибочно рѣшить, какъ писалъ Тургеневъ, если у Васъ будетъ подъ руками новопечатное изданіе: „*Все* дети Хоря", заметил Полутыкин. — *Все* Хорьки, — подхватил Федя: да еще не *все*..."—Съ ятемъ никакихъ сомнѣній нѣтъ: Все дѣти Хоря, все Хорьки, да еще не всѣ.—А вотъ еще случай, гдѣ навѣрняка безъ справки въ старопечатномъ изданіи ни читатель, ни ученикъ, ни его учитель не прочтутъ правильно (тоже изъ „Записокъ Охотника"): „При старом

барине мы *все* жили на своихъ прежних местах...“ На основанiи чего догадаетесь Вы, что здѣсь не „мы всѣ“, а „мы всё“!? Только на основанiи справки въ старопечатномъ изданiи.— Чацкiй у Грибоѣдова говоритъ: Старушки *все* народ сердитый... Всѣ или всё?—Всё?—Не угадали: Старушки всѣ народъ сердитый, и т. д. до безконечности.

Мануйловъ рекомендовалъ ставить тамъ, гдѣ это требуется, двѣ точки надъ е—ё. Но пожеланiе это нигдѣ никѣмъ не исполнялось и не исполняется: *i* упразднено именно изъ-за надстрочной точки, а тутъ вводить двѣ новыя надъ *е* !?

Одинъ шутникъ доставилъ мнѣ отрывки изъ своихъ, какъ онъ выразился, импрессiонистскихъ замѣтокъ, писанныхъ по новой орѳографiи. Воспроизвожу ихъ съ своими недоумѣнiями въ скобкахъ.

„*Перепел песни перепел*“. (Которое слово здѣсь обозначаетъ птицу—первое или второе?) „*Солнце село*“, *сказал я.—Село,—закричали мои спутники.* (Что они закричали: что солнце сѣло, или что увидали село?). —„*Ну, пустите—слезу*“. (Чего онъ хочетъ: слѣзть или иронизируетъ надъ своими спутниками, предлагая имъ пустить слезу?). *На горе показался вдруг десятник.* (На бѣду показался или на верху: на горѣ?). „*Извести*“, *кричу я, но тот опять скрылся.* (О чемъ рѣчь: проситъ извести или извѣстить кого н. б?). *Вот уж осел!* (Змѣя — ужъ—осѣла, или десятникъ осёлъ?). *Дурней дурней нет!* (Что это: дурней нѣтъ или дурнѣе дураковъ не бываетъ людей?).

—Тронулись. „Есть охота?“ спрашиваю возницу. (Про что спрашиваетъ: про охоту или про голодъ?). *Ткнув кнутом в пространство, мужик пробормотал: ели. — Ничего не понял.* (Я тоже ничего не понялъ: говоритъ ли ямщикъ, что онъ уже поѣлъ, или указываетъ на елки?). *Стемнело.— На опушке леса горел костер. Кругом сидели люди. Один вертел вертел да и бросил...* (Есть здѣсь вертелъ, или просто говорится, что что-то вертѣли — вертѣли и перестали? а если идетъ рѣчь все-таки о вертелѣ, то которое изъ этихъ двухъ словъ будетъ имя существительное и которое глаголъ?).

Старая орѳографія давала возможность прилагательнымъ и во множественномъ числѣ зафиксировать документально, наглядно родовое различіе предметовъ. Новая ввела общее родовое окончаніе „*Одни взрослыЕ* дочери". Какъ молъ ни пиши, дочери бываютъ всегда женскаго рода. Что правда, то правда. Но: „освещенныЕ *залы*",—о чемъ здѣсь идетъ рѣчь: объ освѣщенномъ залѣ или объ освѣщенной залѣ? Никто этого не скажетъ. Но, м. б., этого и не нужно. Возьмемъ еще примѣръ: „*Одни кривыЕ* говорят о смертности, другиЕ о рождаемости“,—догадайтесь, что рѣчь идетъ о линіяхъ, а не людяхъ!— Еще: „две слепые, хромые, нищие" и т. п.— здѣсь женскій родъ опредѣляется женской формой числительнаго: „двѣ“, ну, а „три, четыре слепые",—о комъ здѣсь говорится: о мужчинахъ или женщинахъ, этого при новой орѳографіи уже не выразишь. — Или еще: я хочу написать, что

„всѣ наши больныя ѣли", а у меня получается: „все наши больные ели", что можно понимать 1) что ѣли только (в с ё) наши больные, 2) что ѣли больные м у ж ч и н ы, 3) что всѣ наши е л к и больны и 4) что т о л ь к о н а ш и елки больны. Точь въ точь, какъ и при пораженіи извѣстныхъ центровъ, человѣкъ силится сказать одно слово, а языкъ лепечетъ другое: думаетъ „кушали", а выговариваетъ „елочки". Тамъ болѣзнь организма, здѣсь заболѣваніе языка, регрессъ, хотя это и именуется „завершеніемъ кропотливой работы спеціалистовъ".

Женская форма «*онѣ*» новыми правилами упраздняется и замѣняется мужскою „*они*". Въ живомъ разговорномъ языкѣ какъ разъ формы-то „они" и не существуетъ, а имѣется лишь именно нынѣ упраздненная „онѣ — для всѣхъ трехъ родовъ.

Не помню ничего! Не докучайте мнѣ!
Воспоминанія... какъ острый ножъ *онѣ!*

(Горе отъ ума)

Или еще изъ „Демона":

...О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока *облака однѣ*
Спѣшатъ толпой...

„Воспоминаніе"—имя существительное ср. р., „облако" или „облакъ"—тоже ср. или м. р., и, по старому правописанію, по какому писали Грибоѣдовъ и Лермонтовъ, опредѣленіе, согласованное съ этими словами во мн. числѣ, должно бы имѣть форму ср. рода, тожественную съ муж.

родомъ: *„одни“*. И Грибоѣдовъ съ Лермонтовымъ, конечно, знали это, но знали также и то, что это формы исключительно графическія, не фонетическія; что наше живое великорусское произношеніе знаетъ лишь одну форму „однѣ“, „онѣ“. И т. к. они имѣли въ виду *чтеніе* своихъ произведеній, а не писаніе, то и позволили себѣ поэтическую вольность фонетическихъ риѳмъ.

И все-таки, вопреки бытующему въ нашей живой рѣчи произношенію, зафиксированному и нашими поэтами, реформаторы упразднили живую форму „онѣ“, „однѣ“ и отдали предпочтеніе книжной: „они“, „одни“,—руководствуясь ужъ, конечно, не филологическими мотивами; а скорѣй—бытовыми: не давай дескать женскому роду верховодить въ грамматикѣ.

Но какъ быть, однако, съ поэтами и ихъ риѳмами? „Мѣдный Всадникъ“ (по нов. прав.):

...И ветхий домик: там *они*, (?)
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во *сне*...

Вотъ положеніе: либо риѳмѣ пропадать, либо читать послѣдній стихъ: или во сни!

Или опять Грибоѣдовъ:

(Чацкій) Чтобъ оставались вы безъ помощи *одни* (?)
(Софья) На что вы *мне?*

Не писать же, въ самомъ дѣлѣ: на что вы мни!?

Или Тургеневское стихотвореніе въ прозѣ „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...“—развѣ мыслимо послѣднія слова этого воспоминанія о четырехъ *женскихъ* образахъ печатать по новой

орѳографіи: „Мне холодно... Я зябну... и все *они* умерли... умерли...“—?!

Еще одинъ примѣръ изъ текста настоящей книжки: Комиссія отмѣтила цѣлый рядъ лицъ въ числѣ должниковъ Гимназіи, *которыя* могли... (стр. 26). Наборщикъ набралъ предпослѣднее слово *которые*—по нов. правописанію: рѣшать же, къ чему относится это мѣстоименіе: къ *лицамъ* или къ *должникамъ*, приходится лишь по догадкѣ.

Словомъ, чтобы переиздать нашихъ классиковъ по реформированному правописанію, придется ихъ малость пообщипать, потому что, въ противномъ случаѣ, трещатъ по швамъ сами правила новаго правописанія. Одно ясно, что, съ упраздненіемъ буквы Ѣ и родового женскаго окончанія именъ прилагательныхъ во множеств. числѣ, новое правописаніе не только не можетъ передать всѣхъ оттѣнковъ мысли, которые свободно передаются старымъ правописаніемъ,— оно не въ состояніи сохранить въ цѣлости и того, что уже выражено въ законченной поэтической формѣ,—оно, наконецъ, затрудняетъ чтеніе, задерживая пониманіе написаннаго до полнаго прочтенія всего предложенія и прибѣгая за помощью къ, такъ называемому, „общему смыслу“, т. е. къ толкованію, тамъ, гдѣ прежде смыслъ написаннаго былъ выраженъ съ математической точностью въ самомъ письмѣ.

Въ 60 или 70 гг. прошлаго столѣтія вышло нѣсколько книжекъ, напечатанныхъ по упрощенной орѳографіи. Заглавіе одной мнѣ запомнилось: „Сказания о вере и богах древних греков“

Причудинскова. — По мануйловскому правописанію надо бы фамилію автора писать такъ: Причудинского.—Почему? Вѣдь въ живой разговорной рѣчи мы скажемъ именно Причудинскова, Толстова, слѣпова, бѣднова.

Повелѣлъ онъ схватить удалова купца

Или:

Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
. . . .
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!

Ломоносовъ установилъ правописаніе родит. падежа именъ прилагательныхъ мужеск. рода, единств. числа на *ого*, *аго* и *яго*. Мануйловское правописаніе не приняло фонетическаго начертанія слова, какъ оно произносится въ живомъ разговорномъ великорусскомъ языкѣ, оно отвергло и ломоносовское начертаніе, связывавшее русскую форму съ славянскою:

ПремудроОВА — *премудрАГО*

и навязало свое собственное *премудрОГО*.

Два первыя имѣютъ свое основаніе, третье — никакого.

Мало того, какая каша заваривается именно въ этомъ пунктѣ: прилагательныя на *-ый* имѣютъ въ род. п. м. р. *-ого*; на *-ій*—образуютъ *-его*.

Добрый—доброго. Синій—синего.

Но уже Писемскій, Островскій, мягкій, низкій, долгій, ветхій будутъ въ род. п. имѣть не *-его*, а *-ого*. Почему? Въ силу правила, прежде

не существовавшаго, а теперь специально созданнаго для прилагательныхъ, имѣющихъ гортанную согласную (г, к, х) передъ гласнымъ окончанiемъ.

Этой же реформой уничтожается различiе значенiй мѣстоименiй *самъ* и *самый*:

самый старшiй сказалъ...
самъ старшiй сказалъ...

разница огромная. Въ винит. пад. (и род.) по старому правописанiю различiе сохраняется:

увидѣлъ самаго старшаго
увидѣлъ самого старшаго.

Ну, а по новому правописанiю все смѣшалось: увидел *самою* старшего: оттѣнокъ придется уже по общему смыслу угадывать.

Или: самого твердаго знака—самаго твердаго знака: ясно, о чемъ идетъ рѣчь. Но: самого твердого знака,—извольте догадываться!

Вотъ самые боевые пункты реформы, остальные же поражаютъ только своей безцѣльностью. Уничтожается *ъ*—твердый знакъ—на концѣ словъ, съ сохраненiемъ въ серединѣ, передъ мягкими гласными.—Практически твердый знакъ ни полезенъ ни вреденъ. И походъ противъ него чисто принципiальный. Но знакъ этотъ составляетъ единственно нашему письменному языку присущую особенность, показывающую намъ кусочекъ исторiи этого языка: его зависимость отъ древне-болгарскаго. Этотъ одинъ фактъ стоитъ самъ по себѣ многихъ. Вѣдь это, слѣдовательно, древнѣйшiй археологическiй памятникъ, уцѣлѣвшiй

съ самаго зачина нашей исторіи, сопровождающій наше письмо отъ первыхъ дней его возникновенія!—И если не уничтожается *мягкій* знакъ, то, логически, не долженъ быть упраздненъ и *твердый*.

I—десятеричное, съ точкой, замѣняется восьмиричнымъ, простымъ. Если кто-либо воображаетъ, что въ скорописи этой замѣной достигается облегченіе письма и чтенія написаннаго, можно для примѣра предложить тому написать обычнымъ своимъ скорописнымъ почеркомъ нѣсколько слѣдующихъ формъ: в *затишии;* хоть пред *монаршиим* лицом (Грибоѣдовъ); *шиитика; при Василии; миллион; некиими.*

Русскій языкъ—языкъ великаго народа. Въ постигшемъ нашу землю бѣдствіи—онъ единственное уцѣлѣвшее наше право на великонародность, на великодержавность. Это наша грамота, нашъ ярлыкъ на наше духовное пэрство съ другими культурными народами міра. Существенное и главное отличіе культурныхъ даровитыхъ народовъ отъ отсталыхъ,—богатство грамматическихъ формъ. Исторически сложившееся, русское правописаніе въ этомъ отношеніи достигло высокаго развитія, имѣя возможность графически зафиксировать всѣ оттѣнки языка, теряющіеся въ устной рѣчи. И мы не имѣемъ права ограничивать это правописаніе, сводя его къ низшимъ формамъ—въ угоду лѣни и невѣжеству. Не подрывать его корни должны мы, но культивировать, обогащать новыми формами, какъ это дѣлалъ Ломоносовъ и другіе *творцы* русскаго языка.

Большевики обезцѣнили, „обезличили“ благородное золото до 36 пробы. У насъ тоже чешутся руки совершить подобный экспериментъ надъ нашимъ драгоцѣннымъ языкомъ. Не даромъ же отъ всей „буржуазной“ революціи въ СССР только одно и уцѣлѣло, что новое правописаніе.

3.

Не странно ли, что только въ Россіи раздаются вѣчныя жалобы на трудность овладѣнія родной грамотой и, въ частности, письмомъ. А между тѣмъ ни у одного народа письмо не совпадаетъ съ произношеніемъ, развѣ лишь у сербовъ, послѣ геніальной реформы В. Караджича. И всѣ любятъ свой языкъ, знаютъ его и грамотнѣе насъ. А если что отпугиваетъ иностранцевъ отъ изученія русскаго языка, то это не письмо, а произношеніе. Французу, напр., для этого въ его языкѣ не хватаетъ многихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, характеризующихъ звуковую гамму нашего языка, а мы, благодаря такому преимуществу, свободно овладѣваемъ произношеніемъ любого европейскаго языка. И все-таки, фактъ фактомъ, что русская грамота дается россіянамъ нелегко. Близорукіе видятъ корень зла въ „ять“. Уничтожьте Ѣ, и настанетъ рай грамотности. Но мы уже извѣрились въ земныхъ раяхъ. Причина гораздо ближе, она въ насъ самихъ: „мы лѣнивы и не любопытны“ (Пушкинъ). Посмотрите, какъ поставлено въ средней школѣ дѣло преподаванія родного языка! Онъ проходится въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ и то не

ежедневно, и то по одному часу. Къ IV классу считается, что курсъ грамоты пройденъ сполна, и программа IV кл. отводитъ 4 часа въ недѣлю на повтореніе пройденнаго (въ томъ же объемѣ и по тѣмъ же учебникамъ!) Затѣмъ съ V кл. по VIII включительно уже изучается исторія литературы. Съ какими же знаніями по языку выходитъ изъ средней школы получившій свидѣтельство о зрѣлости въ наукахъ юноша?! Съ тѣми, какія онъ, съ грѣхомъ пополамъ, малышемъ воспринялъ въ первые годы ученія—не знаніями, которыя свободно умѣстились въ его окрѣпшемъ мозгу, будучи преподаны въ ясной, научно обоснованной системѣ, — но знаніями, насильно вдолбленными въ слабый, неспособный еще къ отвлеченному мышленію, умъ ребенка чисто механическимъ путемъ запоминанія, въ безсознательномъ процессѣ затверживанія. Къ тому же объемъ этихъ знаній, считаясь съ возрастомъ учащихся первыхъ классовъ, сводится къ самымъ элементарнымъ свѣдѣніямъ. Но даже и этотъ минимумъ подвергается дальнѣйшимъ сокращеніямъ (вплоть до упрощенія орѳографіи). Но что сокращается во вниманіе къ дѣтскому возрасту школьника, очевидно, должно быть въ полномъ видѣ сообщено тому же школьнику въ старшихъ классахъ, когда умъ его въ состояніи будетъ уже справиться съ этимъ. Такъ и поставлено дѣло съ преподаваніемъ другихъ предметовъ. Ариѳметика проходится дважды: въ тѣхъ же младшихъ классахъ и затѣмъ въ VIII кл., уже въ общемъ видѣ; древняя исторія тоже: фактическая въ одномъ

изъ младшихъ и исторія античной культуры въ VIII кл. и т. д. Только относительно русскаго яз. это считается лишнимъ. И т. к. результаты налицо—грамотность падаетъ, а причинъ видѣть не хотятъ, — то и валятъ на трудность русскаго языка, русской грамматики, русскаго правописасанія. Все это весьма напоминаетъ паническую, безпорядочную, съ обоихъ бортовъ, пальбу на кораблѣ, вызванную чьимъ-то крикомъ: «Подводная лодка!»—Торжествуемъ побѣду надъ безвредными буквами, надъ і, ъ; въ учебникахъ русской грамматики побѣдоносно сокращаемъ число залоговъ до 2, число степеней сравненія до 2; не говоримъ уже больше: сокращеніе предложеній, но: замѣна предложеній... И въ это же самое время терпимъ въ школѣ чудовищную, архаровскую, схоластическую терминологію: нарѣчіе, причастіе, падежъ, междометіе, сослагательный, винословный, подлежащее, глаголъ и т. д. Попробуйте, попросите кого-нибудь объяснить вамъ, что такое: залогъ, наклоненіе, дѣепричастіе, предлогъ! А на голову девятилѣтняго (даже раньше!) карапуза съ перваго же дня учебы сыплются эти камни. Ну, и «возу все нѣтъ ходу».

«Мы лѣнивы и не любопытны».

Ломоносовъ составилъ русскую грамматику, которая была переведена почти на всѣ европейскіе языки! А мы, вмѣсто того, чтобы продолжать его дѣло, уничтожаемъ сдѣланное имъ да ждемъ, скоро ли можно будетъ съ нѣмецкаго перевести русскую грамматику, составленную

какимъ н. б. усидчивымъ докторомъ славянской филологіи. Да оно къ тому и идетъ. По крайней мѣрѣ, для церковно-славянскаго языка лучшимъ является руководство, составленное нѣмецкимъ профессоромъ Лескинъ. Или, кто изучаетъ особенности русскихъ областныхъ говоровъ, тому не обойтись безъ трудовъ норвежца О. Брока.

Да, пусть другіе изучаютъ русскій языкъ, ты-жъ, благодушный россіянинъ, занимайся реформами!

В. Перемиловскій.

POST SCRIPTUM.

Одинъ строгій критикъ, защищая въ „Отеч. Вѣд.“ новое правописаніе, обрушился на ничего не подозрѣвавшихъ англичанъ за отсталость ихъ правописанія. Пишется, молъ Psyche, а читается „Сайки“. Какая же мораль отсюда, какой выводъ? Не тотъ ли, что англичанамъ пора перейти на транскрипціонное письмо, т. е. писать, напрямки, „Saykі?“ Или имъ надо отказаться отъ своего современнаго произношенія въ пользу правописанія? Бѣдные англичане! Знаютъ ли они, въ какое безвыходное положеніе поставилъ ихъ одинъ строгій критикъ въ Россіи.

Они же, по простотѣ душевной, думаютъ себѣ: наше сегодняшнее произношеніе далеко ушло отъ третьеводняшняго: ничего вѣдь съ нимъ не подѣлаешь, съ языкомъ, неуимчивъ онъ, сладу съ нимъ нѣтъ! Но зато письмо-то ужъ отъ

насъ не уйдетъ никуда! И въ этомъ застывшемъ письмѣ, въ какія бы далекія новыя и невѣдомыя моря ни занесъ насъ нашъ живой устный языкъ, мы имѣемъ надежный путеводный маякъ. Не даромъ вѣдь мы народъ-мореплаватель! Если бы, сохрани Боже, погасъ нашъ маякъ, мы оказались бы самымъ жалкимъ, самымъ безпомощнымъ народомъ на землѣ, мы превратились бы въ этихъ, какъ называютъ ихъ русскіе, Ивановъ безродныхъ, Ивановъ-непомнящихъ. Ибо собственная наша исторія для насъ закрылась бы. Если бы мы вздумали, скажемъ, писать Sayki и т. п., мы бы не только не поняли нашего языка того времени, когда Психея писалась Psyche, намъ непонятна была бы и чужая исторія. Ибо кто бы могъ намъ объяснить, почему имя греческой богини Психеи превратилось въ Сайку?!

Нѣтъ, мы англичане, любимъ свою исторію, свой языкъ и потому не хотимъ коверкать и кромсать своего письма, какъ эти русскіе, съ ихъ большевиками.

Ну, и что тутъ строгому русскому критику дѣлать съ ними, съ этими бриттами?! А туда же, просвѣщенными мореплавателями прозываются!

В. П.

О русскомъ правописанiи.

Проф. И. А. Ильинъ.

Дивное орудiе создалъ себѣ русскiй народъ, — орудiе мысли, орудiе душевнаго и духовнаго выраженiя, орудiе устнаго и письменнаго общенiя, орудiе литературы, поэзiи и театра, орудiе права и государственности, — нашъ чудесный, могучiй и глубокомысленный **русскiй языкъ.** Всякiй иноземный языкъ будетъ имъ уловленъ и на немъ выраженъ; а его уловить и выразить не сможетъ ни одинъ. Онъ выразитъ точно — и легчайшее, и глубочайшее; и обыденную вещь, и религiозное паренiе; и безысходное унынiе, и беззавѣтное веселье; и лаконическiй чеканъ, и зримую деталь, и неизреченную музыку; и ѣдкiй юморъ, и нѣжную лирическую мечту. Вотъ что о немъ писалъ Гоголь: «Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названiе еще драгоцѣннѣе самой вещи»... И еще: «Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ»... О немъ воскликнулъ однажды Тургеневъ: «Во дни сомнѣнiй, во дни тягостныхъ раздумiй о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опо-

ра, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!».

А новое поколѣніе его не уберегло... Не только тѣмъ, что наполнило его неслыханно-уродливыми, «глухонѣмыми» (какъ выразился Шмелевъ), безсмысленными словами, слѣпленными изъ обломковъ и обмылковъ революціонной пошлости, но еще особенно тѣмъ, что растерзало, изуродовало и снизило его **письменное обличіе**. И эту искажающую, смыслъ-убивающую, разрушительную для языка манеру писать — объявило «новымъ» «право-писаніемъ». Тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта безграмотная манера **нарушаетъ самые основные законы всякаго языка**. И это не пустыя жалобы «реакціонера», какъ утверждаютъ иные эмигрантскіе неучи, а сущая правда, подлежащая строгому доказательству.

Всякій языкъ есть явленіе не простое, а сложное; но въ этой сложности все въ языкѣ взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все **органически сращено**. Такъ и вынашиваетъ его каждый народъ, слѣдуя одной инстинктивной цѣли — **вѣрно выразить и вѣрно понять выраженное**. И вотъ имено эту цѣль революціонное кривописаніе не только не соблюдаетъ, но грубо и всемѣрно, вызывающе попираетъ.

Языкъ есть прежде всего живой истокъ **звуковъ**, издаваемыхъ гортанью, ртомъ и носомъ, и слышимыхъ ухомъ. Обозначимъ этотъ звуковой — слуховой составъ языка словомъ **«фонема»**.

Эти звуки въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ животными, **членораздѣльны**: иногда, какъ въ русскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкѣ, отчетливы и чеканны, иногда, какъ въ англійскомъ языкѣ неотчетливы, но слитны и расплывчаты. Членораздѣльность эта подчинена **особымъ законамъ**, которыми вѣдаетъ грамматика: она различаетъ звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а въ словахъ корни и ихъ приращенія (префиксы — впереди корня, аффиксы и суффиксы — позади корня); она различаетъ еще роды и числа, склоненія (падежи), и спряженія (у глаголовъ: времена, числа, наклоненія и виды); она различаетъ далѣе части рѣчи (имя существительное, прилатательное, мѣстоименіе, глаголъ и т. д.), а по смысловой связи словъ — части предложенія (подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельственныя слова и т. д.). Все это вмѣстѣ образуетъ ученіе о **формахъ** языка и потому можетъ быть обозначено словомъ **«морфема»**.

Само собой разумѣется, что и **фонема** и **морфема** служатъ **смыслу**, который онѣ стараются вѣрно и точно выразить и которымъ онѣ внутренно насыщены. Безсмысленные звуки — не образуютъ языка. Безсмысленные суффиксы, падежи, спряженія, мѣстоименія, глаголы и предлоги, дополненія — не слагаютъ ни рѣчи, ни литературы. Здѣсь все живетъ для смысла, т. е. ради того, чтобы **вѣрно обозначить разумѣемое, точно его выразить и вѣрно понять**. Человѣкъ даже стонетъ и вздыхаетъ не зря и не безсмысленно. Но если и стонъ его, и вздохъ его полны выраженія, если они суть **знаки его внутренней жизни**, то тѣмъ болѣе его членораздѣльная речь, — именующая, разумѣющая, указующая, мыслящая, обобщающая, доказывающая, разсказывающая, вос-

клицающая, чувствующая и воображающая, — полна живого смысла, жизненно драгоцѣннаго и отвѣтственнаго. Весь языкъ служитъ этому смыслу, т. е. тому, что онъ хочетъ сказать и сообщить, и что мы назовемъ **«семемою»**. Она есть самое важное въ языкѣ. Ею все опредѣляется. Возьмемъ хотя бы **падежи**: каждый изъ нихъ имѣетъ иной смыслъ и передаетъ о предметѣ что-то свое особое. **Именительный**: — предметъ берется самъ по себѣ, внѣ отношенiй къ другимъ предметамъ; **родительный**: — выражаетъ принадлежность одного предмета — другому; **дательный**: — указываетъ на приближающее дѣйстiе; въ **винительномъ** падежѣ ставится имя того объекта, на который направлено дѣйствiе; въ **творительномъ** падежѣ ставится имя орудiя; мѣстный или **предложный** падежъ указываетъ на обстоятельства и на направленiе дѣйствiй. И такъ, дѣло идетъ черезъ всю грамматику...

Къ фонемѣ, морфемѣ и семемѣ присоединяется, наконецъ, **запись**: слова могутъ быть не только фонетически произнесены, но еще и начертаны буквами; тогда произносящiй человѣкъ можетъ отсутствовать, а рѣчь его, **если только она вѣрно записана**, можетъ быть прочтена, фонетически воспроизведена и вѣрно понята цѣлымъ множествомъ людей, владѣющихъ этимъ языкомъ. Именно такъ возникаетъ вопросъ **право-писанiя**. Какое же «писанiе» есть вѣрное или правое?

Отвѣчаемъ: то, которое точно передаетъ не только **фонему**, насыщенную смысломъ, и не только **морфему**, насыщенную смысломъ, но прежде всего и больше всего **самую семему**. И скверное, или кривое «писанiе» будетъ то, которое не соблюдаетъ ни фонему, ни морфему, ни семему. А вотъ именно въ этомъ и повинно революцiонное кривописанiе: оно устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателя; оно устраняетъ въ мѣстоименiяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различiя между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманiе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываетъ сущiя недоумѣнiя при чтенiи и т. д., и т. д.

Удостовѣримся во всемъ этомъ на живыхъ примѣрахъ.

Вообще говоря, **одна единственная буква** можетъ совсѣмъ измѣнить смыслъ слова. Напримѣръ: «не всякiй совершонный (т. е. сдѣланный) поступокъ есть совершенный (т. е. безупречный) поступокъ» Погасите это буквенное различiе, поставьте въ обоихъ случаяхъ «е» или «о» — и вы утратите глубокiй нравственный смыслъ этого изреченiя. Онъ сказалъ, что будетъ (т. е. придетъ), да вотъ что-то не будитъ» (т. е. не прерываетъ мой сонъ). Такое же значенiе имѣетъ и ударенiе: его перемѣщенiе радикально мѣняетъ смыслъ слова: «ты дорога́ мнѣ большая доро́га». И такъ вся ткань языка **чрезвычайно впечатлительна** и имѣетъ **огромное смысловое значенiе**.

Это особенно выясняется на **омонимахъ**, т. е. на словахъ съ **одинаковой фонемой, но съ различнымъ смысломъ**. Здѣсь спасенiе только одно: **необходимо различное** (дифференцированное) начертанiе. Это законъ для **всѣхъ** языковъ, И чѣмъ больше въ языкѣ омонимовъ, тѣмъ важнѣе соблюдать вѣрное писанiе. Такъ, французское слово «вэр» обозначаетъ: «червяка» (ver), «стихъ» (vers), «стекло-стаканъ» (verre), «зеленый» (vert) и предлогъ «на, при, къ, около» (vers). Попробуйте «упростить» это разнописанiе и вы внесете въ языкъ

идiотскую путаницу. Словомъ «мэр» французъ обозначаетъ «море» (mer), «мать» (mère) и «городского голову» (maire). Словомъ «фэръ» — «дѣлать» (faire), «отдѣлку, мастерство» (faire), «желѣзо» (fer) и «щипчики для стекла» (ferre). Словомъ «вуа» — «голосъ» (voix), «дорогу» (voie), «возъ» (voie), «я вижу» (vois), «смотри» (vois). Словомъ «кор» — «тѣло» (corps), «мозоль» (cor), и «волторну или рогъ» (cor). Отсюда уже видно, что различное начертанiе слова спасаетъ языкъ отъ безсмыслицы, а при недостаткѣ его безсмыслица оказывается у порога. Подобное мы находимъ и въ нѣмецкомъ языкѣ. Словомъ «мален» нѣмецъ обозначаетъ «писать красками, воображать» (malen) и «молоть» (mahlen). Но тамъ, гдѣ начертанiе не мѣняется, грозитъ недоразумѣнiе: «sein» означаетъ «быть» и (чье?) «его»; «sie» означаетъ «вы» и «она» — и недоразумѣнiя, могущiя возникнуть изъ этого одного смѣшенiя, безчисленны. Нѣмецкое слово «Schauer» имѣетъ пять различныхъ значенiй при совершенно одинаковомъ начертанiи, оно обозначаетъ — «портовый рабочiй», «созерцатель», «страхъ», «внезапный ливень» и «навѣсъ». Это есть настоящiй образецъ того, какъ начертанiе и фонема могутъ отставать отъ смысла, а это означаетъ, что языкъ не справляется со своей задачей.

И вотъ, русскiй языкъ при старой орфографiи побѣдоносно справлялся со своими «омонимами», вырабатывая для нихъ различныя начертанiя. Но революцiонное кривописанiе погубило эту драгоцѣнную языковую работу цѣлыхъ поколѣнiй: оно сдѣлало все возможное, чтобы напустить въ русскiй языкъ какъ можно больше безсмыслицы и недоразумѣнiй. И русскiй народъ не можетъ и не долженъ мириться со вторженiемъ этого варварскаго упрощенiя.

Новая «орфографiя» отмѣнила букву «i». И вотъ, различiе между «мiромъ» (вселенной) и «миромъ» (покоемъ, тишиной, невойной) исчезло; за одно погибла и ижица, и православные люди стали принимать «миро-помазанiе» (что совершенно неосуществимо, ибо ихъ не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ).

Затѣмъ новая орфографiя отмѣнила букву «ѣ» и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимые омонимы стали въ начертанiи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидитъ и пойметъ, тотъ придетъ въ ужасъ при видѣ этого потока безграмотности, вливающагося въ русскую литературу и въ русскую культуру и никогда не примирится съ революцiоннымъ криво-писанiемъ (см. «Н. З.» № 167).

Мы различаемъ «самъ» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ «самъ» — «самого», винительный падежъ — «самого». А отъ «самый» — «самаго». «Я видѣлъ его самого, но показалось мнѣ, что я вижу не того же самаго»... (письмо изъ современной Югославiи). Въ кривописанiи это драгоцѣнное различiе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненiя: «самого»...

Мы склоняемъ: «она», «ея», «ей», «ее», «ею», «о ней». Кривописанiе не желаетъ различать всѣхъ падежей: родит. пад. и винит. пад. пишутся одинаково «ее». «Кто же растопталъ намъ въ саду наши чудесныя клумбы? Это сдѣлала ее коза» (вмѣсто «ея» сосѣдкина коза); безсмыслица. «Я любилъ ее собаку!» Не означаетъ ли это, что

женщина была нравомъ своимъ вродѣ собаки, но я ее все-таки не могъ разлюбить; какой трагическій романъ!.. Или это можетъ быть означаетъ, что я охотно игралъ съ **ея** собаченкой?.. Но тогда надо писать **ея**, а не **ее**! «Кто ввелъ у насъ это безсмысленное правописаніе? Это сдѣлала **ее партія**» (вмѣсто «ея», партія революціи). Что значитъ фраза: «это ее вещи»? Ничего. Безсмыслица. «Надо видѣть разумность мира и предстоять ее Творцу»... Что это означаетъ? Ничего; весь смыслъ тезиса искаженъ и воцарилась безсмыслица. Разумность **міра**! **Ея** Творцу!

Новое кривописаніе не различаетъ мужской родъ и женскій родъ въ окончаніи прилагательныхъ (множеств. числа) и мѣстоименій. Вотъ два образца создаваемой безсмыслицы. Изъ ученаго трактата: «Въ исторіи существовали разные математики, физики, и механики» (теоріи? люди?!); нѣкоторые изъ нихъ пользовались большою извѣстностью, но породили много заблужденій»... Читатель такъ до конца и не знаетъ, что же, собственно, имѣется въ виду — **разныя науки** или **разные ученые...** — Изъ Дневника А. Ф. Тютчевой: «Я всегда находила мужчинъ гораздо менѣе внушительными и странными, чѣмъ женщинъ: **«они»** (кто? мущины или женщины?!) «болѣе доброжелательны»... Минуты три ломаетъ читатель себѣ голову — кто же **менѣе** доброжелателенъ и кто болѣе? И недопонявъ, пытается читать дальше. — Мужчины, просящіе на улицахъ милостыню, суть «нищіе»; а женщины? **Онѣ не нищія**; они тоже **нищіе.**

Это означаетъ: **грамматическое** и **смысловое** различіе падежей и родовъ остается; а **орфографическое выраженіе этихъ различій угашается.** Это равносильно смѣшенію падежей, субъектовъ и объектовъ, мужчинъ и женщинъ... Такъ сѣются недоразумѣнія, недоумѣнія, безсмыслицы; умножается и сгущается смута въ умахъ. Зачѣмъ? Кому это нужно? Россіи? Нѣтъ, конечно; но для міровой революціи это полезно, нужно и важно.

Однако, обратимся къ обстоятельному и наглядному исчисленію тѣхъ смысловыхъ ранъ, которыя нанесены русской литературѣ «новой орфографіей». Исчерпать всего здѣсь нельзя; но кое-что существенное необходимо привести.

168.

О НАШИХЪ ОРФОГРАФИЧЕСКИХЪ РАНАХЪ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ множество другихъ безсмыслицъ, внесенныхъ такъ называемой «новой орфографіей», а сосредоточимся только на тѣхъ, которыя вдвинуты въ русскую культуру произвольной отмѣной буквы «ѣ», то мы увидимъ слѣдующее. Вотъ типическіе примѣры этого безобразія.

1. Смыслъ: общее невоздержаніе въ пищѣ истощило наши запасы.
   Правописаніе: «всѣ ѣли да ѣли, вотъ все и вышло».
   Кривописаніе: «все ели да ели, вот все и вышло».

Безсмыслица: преобладаніе хвойныхъ деревьевъ привело къ всеобщему уходу.

2. Смыслъ: мѣловая пыль осталась въ комнатѣ соромъ; пришлось долго подметать.

Правописаніе: «осѣлъ мѣлъ пылью на полу; я долго мелъ просыпанный мѣлъ».

Кривописаніе: «осел мел пылью на полу; я долго мел просыпанный мел».

Безсмыслица: мы мели вдвоемъ, сначала оселъ, потомъ я, а чего ради мы такъ старались — неизвѣстно, источникъ сора не указанъ.

3. Смыслъ: лѣто было теплое и полеты были пріятные.

Правописаніе: «теплымъ лѣтомъ я наслаждался пріятнымъ полетомъ».

Кривописаніе: «теплым летом я наслаждался приятным летом».

Безсмыслица: когда происходили полеты неизвѣстно, но тепло было пріятно.

4. Смыслъ телеграммы: я раненъ, рану залѣчиваю, прибуду на аэропланѣ.

Текстъ въ правописаніи: «лѣчу рану лечу».

Въ кривописаніи: «лечу рану лечу».

Безсмыслица: адресатъ не зналъ, что подумать.

5. Смыслъ телеграммы: продовольствіе найдено, везу его съ собою.

Правописаніе: «ѣду везу ѣду».

Кривописаніе: «еду везу еду».

Безсмыслица: адресатъ долго размышлялъ, потомъ бросилъ телеграмму въ корзину.

6. Смыслъ: надо умѣть не только изучать архивы, но и правильно вести ихъ.

Правописаніе: Курсы по архивовѣдѣнію и архивоведѐнію».

Кривописаніе: «Курсы по архивоведению и архивоведению».

Безсмыслица: Куда же это они хотятъ уводить всѣ архивы?

7. Смыслъ: до звѣзды не полагается ѣсть, а одинъ грѣшный человѣкъ съѣлъ гречневый хлѣбецъ.

Правописаніе: «Одинъ грѣшникъ не удержался и отвѣдалъ грешничка».

Кривописаніе: «один грешник не удержался и отведал грешничка».

Безсмыслица: хлѣбецъ хлѣбца отвѣдалъ? или грѣшникъ предался людоѣдству?

8. Смыслъ: есть ирраціональные пути, ведущіе къ воспріятію Бога.

Правописаніе: «Богъ познается въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи».

Кривописаніе: «бог познается в ведении и в неведении».

Безсмыслица: языческій богъ (с малой букввы) то ведетъ, то не ведетъ, и черезъ это познается.

9. Смыслъ: я не могу указать точно время этого событія, это было **когда-то давно.**

Правописаніе: «Скажи, когда же это было?». «Отстань, нѣкогда»...

Кривописаніе: «Отстань, некогда».

Безсмыслица: у меня **нѣтъ досуга**, чтобы отвѣтить на твой вопросъ.

10. Смыслъ: выплакавшись, наверху на лѣстницѣ, онъ уже не плакалъ, когда спустился внизъ.

Правописаніе: «онъ слѣзъ ко мнѣ уже безъ слезъ».

Кривописаніе: «он слез сюда уже без слез».

Безсмыслица: слезъ сюда — ничего не значитъ; слезъ безъ слезъ — непредставимо!

11. Смыслъ у насъ имѣется еще продовольствіе...

Правописаніе: «пока у насъ еще есть, что ѣсть»...

Кривописаніе: «пока еще у нас есть, что есть»...

Безсмыслица: мы имѣемъ то, что имѣется въ наличности.

12. Смыслъ: человѣкъ съ горя напился, явно предпочитая шампанское.

Правописаніе: «и утѣшеніе нашелъ я въ этой пѣнѣ упоительной».

Кривописаніе: «и утешение нашел я в этой пене упоительной».

Безсмыслица: слово «пеня» означаетъ укоръ, штрафъ; какъ утѣшиться упоительнымъ штрафомъ?

13. Смыслъ: въ революціи хуже всего эта всеобщая ненависть и ограбленіе.

Правописаніе: «если бы не всѣ ненавидѣли, если бы не все отняли, а то всѣ и все».

Кривописаніе: «если бы не все ненавидели, если бы не все отняли, а то все и все».

Безсмыслица: составъ ненавидящихъ субъектовъ подмѣненъ составомъ ненавидимыхъ объектовъ; послѣднія слова «все и все» — просто безсмысленны.

Однако, всего не исчислишь. Пусть читатель самъ доберется до смысла въ слѣдующихъ реченіяхъ: «чем больше тем, тем лучше»; «мне не всякий ведомый ведом»; «те ему и говорят: вот те на!»; «рыбка уже в уже»; «религиозное ведение не чуждо символам»; «лесник левша лесу взял, лесной волос привязал, да в лесу лису за лесного дядю принял и лесу в лесу потерял»; «я налево, а слева лев»; «я смело взялся за дело, но ветром все уже смело»... Врачъ говоритъ «лечу да поздно»; а летчикъ: «лечу да поздно»... «На горе других цветов не было»; «собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает» (тутъ, повидимому, опечатка, надо писать Сена или Сеня съ большой буквы, въ первомъ случаѣ надо пожалѣть мокрую собаку, во второмъ бѣднаго Семена). «Стенание за стеной вызвало у меня стеснение в сердце»... Но не довольно ли?

Есть и общія правила. Напримѣръ: слова, начинающіяся съ «нѣ» — ничего не отрицаютъ, а устанавливаютъ только **неопредѣленность**: «нѣкій, нѣкоторый, нѣсколько, нѣкогда»; а слова, начинающіяся съ «не» — отрицаютъ: «нелѣпый, неграмотный, нечестный, некогда». Еще: вопросы «куда?» и «гдѣ?» требуютъ различныхъ падежей; отмѣна буквы «ѣ» убиваетъ это правило. Куда? «На ложе», «на поле», «въ поле», «въ море» (винит. падежъ). Гдѣ? «На ложѣ», «на полѣ битвы», «въ морѣ» (предложный падежъ). Пуля попала ему въ сердце (вин. пад.);

въ его сердцѣ печаль (предл. пад.). Еще: «чѣмъ» есть творительный падежъ отъ «что»; о «чемъ» есть предлож. падежъ отъ «что»; смѣшеніе падежей есть занятіе грамматически разрушительное. Еще: «синѣй» есть сравнительная степень отъ «синій» (волны синѣй стали); «синей» есть родительный падежъ отъ прилагательнаго «синій» (волны синей стали; но развѣ сталь есть образецъ синевы?).

Борьба за букву «ѣ» ведется въ Россіи уже болѣе 300 лѣтъ. **Мы будемъ продолжать эту борьбу.** Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана грамматика, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что «необходимо напередъ самимъ учителямъ различать **«ять»** съ **«естемъ»** и не писать одного вмѣсто другого», что «грамматическое любомудріе **смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно**» и безъ него «кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть», что грамматика есть «руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе» (см. Ключевскій: «Очерки и рѣчи», 412).

Этотъ мудрый подходъ къ грамматикѣ объясняется тѣмъ, что въ то время **формально-отвлеченная филологія**, пренебрегающая главнымъ, **живымъ смысломъ языка** — еще не выработалась и не успѣла разложить и умертвить культуру слова. Съ тѣхъ же поръ это извращеніе и несчастіе захватило науку языка (какъ и другія науки) и въ результатѣ интересъ къ **предметному смыслу** уступилъ свое мѣсто соображеніямъ чисто историческимъ (какъ, напримѣръ, у Я. Грота) и демагогическимъ, какъ у сочинителей новаго кривописанія.

Отъ этого пострадала и страдаетъ вся русская культура. Вотъ доказательства.

Молитва: «Горе имеем сердца» (вмѣсто горѣ, ввысь, кверху, къ Богу). «Мир мирови твоему даруй». «О мире всего мира». «Да празднует же мир, видимый же весь и невидимый».

Богословіе. «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Іоан. 12. 47). Йсаакъ Сиріянинъ: «миром называю страсти, которые порождаются от парения ума». «Мысль о смерти родит пренебрежение к миру» (тамъ же). «Всеведение Божие». Василій Великій: «Мир есть художественное произведение».

Философія. Всѣ проблемы міра, мірозданія, міровоззрѣнія; микрокосма, макрокосма; знанія и вѣдѣнія и многія другія, съ ними связанныя, обезсмысленны и погибли. **Ни одного философа отнынѣ нельзя грамотно перевести на русскій языкъ.** Этика, онтологія, космологія, антропологія — лишены крыльевъ слова!

Наука. «Они все плодятся» (вмѣсто **всѣ**). «В России много рек» (вмѣсто **рѣкъ**). «От сырости возникает прение» (вмѣсто «прѣніе»; кто же съ кѣмъ споритъ отъ сырости?). «Он не мог собрать вена» (вмѣсто **вѣна**); «лечу вены по венскому способу» (вм. **лѣчу**, вм. **вѣнскому**). «У вас опухла железа; в организме железа не хватает».

Стратегія. «Сведение о сведении дивизий еще не поступило». «Однородные вести редко приходят». «Все на палубу!» (вм. **всѣ**). «Откуда вести? Откуда вести?» (Въ первомъ случаѣ — вѣсти, во второмъ — вести). «Это не подлежит вашему ведению».

Политика. Изъ коммунистическихъ стенограммъ. Троцкій на XI

съѣздѣ: «В Западной Европе если победит ее пролетариат» (вм. ея). Зиновьевъ тамъ же: «международный рабочий класс осел» (вмѣсто **осѣлъ**). На XIV съѣздѣ: «не все еще понимаютъ и не все еще верят» (вм. **всѣ**). Тамъ же, рѣчь Гусева: «будем ставить точки над «и» (вм. **і**). Рѣчь Курскаго на XV съѣздѣ: «работа по статистике должна быть поставлена у нас на «ѣ». Голоса съ мѣстъ: «читали все» (вм. **всѣ**). Наша цѣль — завоевать мир» (вм. **міръ**). Конституція РСФСР статья 3: «к ведению органов» (вм. **вѣдѣнію**). Изъ газеты «Новое Русское Слово» от 12.I.1942: «Мы — все. Наш верховный главнокомандущий, президент Рузвельт, может быть уверен, что за ним идем мы все!».

Погибшія русскія пословицы. «У богатого мужика — все в долгу (вм. **всѣ**), у богатого барина — все в долгу». «Лес лесом, а бес бесом». «Сперва дележ, а после телеш». «Какая же честь, если нечего есть». «На мир беда, а воеводе нажиток». «И глух и нем, греха не вем». «Перед судом все равны, все без откупа виноваты». «Мир на дело сошелся — виноватого опить». «Вор попал, а мир пропал». «Дошел тать в цель, ведут его на рель». «Ищи на казне, что на орле, на правом крыле». «Очи ушей вернее». «Кто в море не тонул, да детей не рожал, тот от сердца богу не маливался».

Искаженные русскіе классики. Безсмыслены всѣ стихотворенія, поющія о мірѣ и мірозданіи; исчислить ихъ невозможно. Вотъ образцы. Пушкинъ: «И мощная рука к нему с дарами мира — Не простирается из-за пределов мира». Лермонтовъ: «Но я без страха жду довременный конец — Давно пора мне мир увидеть новый». Тютчевъ: «Есть некий час всемирного молчанья». «На мир таинственный духов». «С миром дремлющим смешай». «Счастлив, кто посетил сей мир» и др. Баратынскій: «Твой мир, увы, могилы мир печальный»... «На что вы, дни! Юдольный мир явленья — Свои не изменит! — Все ведомы, и только повторенья — Грядушее сулит».

А вот и иныя искаженія. Говоря о «младыхъ дѣвахъ», Пушкинъ рифмуетъ «странѣ» и «онѣ»; по кривописанію эта рифма гибнетъ («они» вм. **онѣ**). «Ее ланиты оживлялись» (вм. **ея**), «Ее ничтожность разумею» (вм. **ея**). Тютчевъ рифмуетъ «ея» и «я» («Исторглось из груди ее — И новый мир увидел я»). О мечтахъ: «Пускай в душевной глубине — И всходят и зайдут они». У Мея гибнетъ цѣлое стихотвореніе, вдохновленное Викторомъ Гюго и вдохновившее Рахманинова на прелестный романсъ: «Спросили они» (мужчины) ...«**онѣ** отвѣчали» (женская мудрость, утоляющая мужское недоумѣніе). По кривописанію — «они» спрашиваютъ и «они» же отвѣчаютъ.

У Пушкина: «Все говорят нет правды на земле»... «Делибаш уже на пике» (пике — есть особая хлопчатобумажная ткань; вм. **пикѣ**). Изъ письма Гоголя къ И. И. Дмитріеву: «в дороге занимало меня только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее (вм. синѣе). Гоголь пишетъ Языкову: «отныне взор твой должен быть светло и бодро вознеси горе (вм. горѣ); «немки... все, сколько ни есть, вяжут чулок»; «в пище есть побольше мясного» (вм. ѣсть); «благословенный воздух ее уже дохнул» (вм. ея); «причина... вне... нашего ведения»... Достоевскій: «думал... вернуться, но удержался от неведения» (вм. невѣдѣнія). Мусоргскій: «горе вознестися» (вм. **горѣ**). Лѣ-

сковъ: «а козочку я подоил и **ее** молочком начал дитя питать». Бальмонтъ: «ты легкая волна, играющая в море» (вм. «въ чемъ»? — «во что» — такъ играютъ въ теннисъ, въ шахматы, в море). Айвазовскій назвалъ свою картину «На морѣ» (гдѣ?); изъ этого сдѣлано «На море» (куда?).

Ко всему этому надо добавить, что новое кривописаніе искажаетъ и подрываетъ ту драгоцѣнную внутреннюю работу, которую **каждый изъ насъ продѣлываетъ надъ осмысливаніемъ словесныхъ корней.** Прочтя слово «вѣщій», мы ассоціируемъ по смыслу къ «вѣщунья», «вѣдѣти», «вѣдѣніе»; но прочтя слово «вещий» мы будемъ ассоціировать въ безсмыслицу къ «вещь», «вещественный». Что значитъ «вещий Олег»? Ничего не значитъ! Прочтя слово «пение», мы будемъ ассоціировать къ «пень», «пеня», «пенька», «пеньтюхъ»... Ближайшая ассоціація къ «намерение» будет «мерин»; къ «присмирев» — «ревъ»; къ «бессовестный» — «бѣсъ» и «вести»; къ «беда» — «бедуинъ», «бидонъ», «бедламъ»; къ «тело» — «телокъ», «телиться»; къ «поместье» — «месги», «месть», но отнюдь не къ **мѣсто**; къ левша» — «левъ» и «вошь»... И такъ черезъ всю смысловую работу ассоціацій, которою живетъ и творится всякій языкъ.

Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творчествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно **врагамъ національной Россіи.** Имъ; именно имъ, и только имъ.

(Наши задачи, томъ II). **Проф. И. А. Ильинъ.**

